

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 16.

1885 г.

Августа 16-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

С Л О В О

въ день Преображенія Господня, произнесенное Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ, въ Вятскомъ Преображенскомъ женскомъ монастырѣ, 6 августа 1885 года.

Господи, добро есть намъ здѣ быти (Матѳ. 17, 4).

Дивное, священное торжество воспоминается нами въ настоящій праздничный день. На горѣ Ѡаворѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *не имѣвшій идѣ главы поклонити* (Матѳ. 8, 20), является въ необыкновенной славѣ и величіи. Самое лице Его просіяло, какъ солнце; а одѣяніе Его сдѣлалось, какъ чистый снѣгъ. При немъ находились трое ближайшихъ учениковъ — Петръ, Іаковъ и Іоаннъ. Но и этимъ присутствіемъ живыхъ избранныхъ мужей не ограничивается торжество сіе. Какъ Царь и Владыка существъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, преобразившійся Господь вызываетъ съ неба пророка Ілію, а изъ царства мертвыхъ другаго, болѣе

древняго пророка Моисея. При такихъ дивныхъ свидѣтеляхъ Преображенія, кто не восхотѣлъ бы пребывать съ ними навсегда? Лучше и блаженнѣе этого мѣста нельзя было избрать не только на землѣ, но и на небѣ. Отъ радости и священнаго восторга Апостоль Петръ приходитъ въ самозабвеніе и говоритъ Господу преобразившемуся: *Добро есть намъ здѣ быти.*

Кто бы и изъ насъ не повторилъ словъ Апостола Петра, если бы пришлось намъ быть при такомъ Преображеніи? Но исполненіе желанія сего не возможно было и для Апостола, увлекшагося мнѣніемъ о земномъ царствѣ, а тѣмъ болѣе не возможно для насъ, грѣховныхъ людей и отдаленныхъ отъ Господа Бога и святыхъ Его. Вмѣсто утѣшенія Ѡаворскаго, можемъ находить утѣшеніе и мы повсюду, особенно во храмахъ, если будемъ пребывать съ Богомъ.

Во храмахъ можемъ находить утѣшеніе потому, что каждый храмъ имѣетъ сходство съ священной горою Ѡаворомъ. На Ѡаворѣ являлся Спаситель во славу предъ избранными Пророками и Апостолами и бесѣдовалъ съ ними о предстоявшихъ Ему страданіяхъ. Но не то же ли повторяется и въ нашихъ освященныхъ храмахъ? Здѣсь бесѣдуетъ съ нами также не одинъ Спаситель, но вмѣстѣ съ Нимъ бесѣдуютъ Пророки и Апостолы. А главный предметъ проповѣди Апостольской, подобно Ѡаворской, служитъ также о крестной, искупительной смерти Іисуса Христа, распятаго за насъ (1 Кор. 2, 2). Различіе только въ томъ, что тамъ предстояли Спасителю страданія съ крестною смертію Его, а здѣсь воспоминаются уже совершившимися страданія сіи со всеми спасительными ихъ плодами. Тамъ требовалось увѣреніе въ томъ, что Іисусъ Христосъ на землѣ хотя находился въ униженіи, впрочемъ страданіе терпѣлъ

вольное, какъ Спаситель міра, равный во всемъ Богу Отцу. А теперь во храмъ мы вполне увѣрены сами и проповѣдуемъ другимъ, что Христосъ ради нашего спасенія пострадалъ и умеръ крестною смертію, воскресъ и вознесся на небо и будетъ нѣкогда судить живыхъ и мертвыхъ.

Сходство святаго храма съ Оаворомъ состоитъ не только въ томъ, что храмы устрояются вообще на высотахъ подобно храму сему, но преимущественно въ томъ, что они устрояются именно для молитвы. Вспомните о самомъ Оаворѣ. Для чего входилъ Іисусъ Христосъ на гору сію съ учениками? Онъ входилъ на Оаворъ помолиться не о грѣхахъ Своихъ, которыхъ не имѣлъ, а о грѣхахъ всего рода человѣческаго, — о томъ, чтобы Господь укрѣпилъ Его по человѣчеству въ предстоявшихъ страдальческихъ подвигахъ. Но Оаворъ, во время Преображенія, былъ мѣстомъ молитвы только временной, а храмъ христіанскій долженъ быть мѣстомъ молитвы постоянной. Въ каждый освященный храмъ мы должны входить, какъ на высокую гору, безъ всякаго внѣшняго отягощенія, безъ заботъ мірскихъ и попеченій. Земное попеченіе препятствуетъ намъ возноситься горѣ, къ міру небесному и живущему на небесахъ Господу Іисусу. Съ свободнымъ духомъ можемъ мы лучше понимать величіе Божіе, славу Его, какъ Творца и Промыслителя. Славятъ Его постоянно Ангелы, какъ духи безплотные и не обремененные земными попеченіями. Воздаютъ Ему достойную честь и славу святые, а вмѣстѣ съ ними и тѣ, кои заботятся о святости и спасеніи. Таковые люди болѣе другихъ сознаютъ свою грѣховность и свою зависимость отъ Всевышняго. Отъ этой зависимости происходитъ молитва прошеній и благодареній. Если во всемъ мы зависимъ отъ Бога, то о всемъ необходимомъ

должны просить Его. Нужны для насъ блага земныя, а всего нужнѣе блага небесныя. Благодарить должны мы за все, необходимое для жизни временной, а преимущественно за то, что служитъ къ нашему спасенію и блаженству. Вотъ для чего и устрояются наши храмы! Въ нихъ мы можемъ обрѣсти не земной только или временный **Θаворъ**, а **Θаворъ** небесный или вѣчный, гдѣ будемъ бесѣдовать навсегда съ самимъ Богомъ, Его Пречистою Матерію и святыми, наслаждаясь ихъ общеніемъ и лицезрѣніемъ.

Какъ ни велико счастье быть съ Богомъ и созерцать Его во храмѣ, особенномъ Его присутствіи; между тѣмъ не всѣ изъ христіанъ, ходящихъ во храмъ, могутъ пользоваться этимъ счастьемъ. Многіе недовольными остаются безъ земныхъ благъ и удовольствій. А другіе бываютъ недовольны и при всѣхъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Міръ со всѣми своими [благами сколько привлекаетъ къ себѣ своихъ поклонниковъ, столько же и производитъ въ нихъ отвращеніе. Чтобы не увлекаться соблазнами и не имѣть пристрастія къ міру, многіе удаляются отъ него въ уединенныя мѣста или пустыни для служенія Богу. Здѣсь уже ихъ не возмущаетъ ни богатство, ни бѣдность, ни честь, ни безчестіе. Все ихъ богатство, вся ихъ честь и слава въ единомъ Богѣ, Спасителѣ нашемъ.

При этомъ случаѣ къ вамъ, инокини, обращаюсь съ словомъ утѣшенія. Вы собрались сюда изъ разныхъ мѣстъ, чтобы служить здѣсь Господу Богу безпрепятственно. Для васъ самихъ постояннымъ **Θаворомъ** служатъ здѣсь не одни освященные храмы, но служатъ и вся древняя обитель, вами избранная. Съ поступленіемъ въ обитель сію вы избавились отъ всѣхъ тревогъ мірскихъ. Не для васъ удовольствія на землѣ, не для васъ

и несчастія семейныя, постигающія мірскихъ людей. Не для васъ тишина и спокойствіе, не для васъ бури и наводненія въ морѣ житейскомъ. Вы и среди городского шума стоите какъ бы въ уединеніи, не прельщаясь онымъ шумомъ. Вы пребываете не на одной горѣ природной, но вмѣстѣ и на горѣ мысленной, въ послушаніи у Бога и у людей. Самыя радости и печали мірскія не должны имѣть для васъ значенія. Вся радость и печаль ваша въ Богѣ и служеніи Ему. Все ваше вниманіе должно быть обращено къ единому на потребу. Объ одномъ должны вы заботиться, одного должны и желать. А это единое не что другое есть, какъ спасеніе и блаженство, достигаемое у васъ общими силами и трудами. При такомъ желаніи и усиліи, кто изъ васъ не воскликнетъ предъ Богомъ, Спасителемъ нашимъ: „Господи, добро есть намъ здѣ быти. Намъ нѣтъ нужды заботиться о жилищѣ, объ одеждѣ, пищѣ и питіи. У насъ все необходимое есть и все готово. Намъ остается только жить и трудиться для Бога, молиться Ему и просить Его, чтобы Онъ, Всевышній, утвердилъ наши мысли и желанія въ Немъ единомъ. И тогда мы будемъ счастливы и блаженны, — счастливыѣ всѣхъ, въ мірѣ живущихъ“.

Такъ должны говорить о себѣ во всѣхъ обителяхъ и особенно въ обители вашей, гдѣ собраны преимущественно изъ одной родной области и изъ одного простаго сословія. Но и это единство, къ несчастію, не можетъ ручаться навсегда за постоянное довольство и постоянное послушаніе. Какого больше еще ожидать единства, какъ единство у первосозданныхъ людей? У нихъ, въ раю, во всемъ было обиліе и довольство, счастье и блаженство. Но и тутъ явился исконный врагъ и позавидоваль ихъ блаженству, оболъстивъ ихъ гордостію и всевѣденіемъ. Подобная зависть, гордость и недоволь-

ство являются иногда и въ обителяхъ. Считаютъ труднымъ свое послушаніе, тогда какъ безъ послушанія не возможно жить нигдѣ, тѣмъ болѣе въ обители. Считаютъ себя обиженными и униженными, тогда какъ всѣ въ обители равны, имѣютъ одного Царя небеснаго, одну Матерь небесную и одну мать земную съ именемъ начальницы. Думаютъ иногда о переходѣ въ другую обитель; тогда какъ во всякой обители требуются одинаковыя обязанности и самый переходъ служитъ признакомъ не смиренія или послушанія, а гордости и противленія. Апостолы въ Преображеніе собраны были Господомъ на время и должны были разойтись; но вы, инокини, собрались въ обитель не на время, а навсегда, и должны пребывать въ ней до конца жизни въ послушаніи. Эту самую добродѣтель внушаетъ вамъ Богъ Отецъ Сыномъ Своимъ возлюбленнымъ, во время Его Преображенія: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъже благоволихъ: Того послушайте* (Матѳ. 17, 5). Слушайте Его во всемъ, что требуется отъ васъ. Слушайте Его, какъ верховнаго Вождя и Покровителя вашего. Онъ Самъ внушалъ намъ смиреніе и послушаніе не словомъ только, но и дѣломъ или жизнью. Онъ, равный Богу Отцу, смирилъ Себе, послушавъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмъ же и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене (Филип. 2, 8. 9). Но придетъ время, когда Онъ превознесетъ и всѣхъ смиренныхъ рабовъ Своихъ, и преобразитъ тѣло смиренія нашего подобно тѣлу славы Его (Фил. 3, 2). Къ этому всемірному преображенію и обновленію должны готовиться мы постепенно, *преображаясь отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18) не умомъ или познаніями, не науками или искусствами, а смиреніемъ, послушаніемъ и другими добродѣтелями.

Господи Боже нашъ, преобразивыйся во славу предъ

святыми Своими учениками! — Ты собралъ сестеръ въ обитель сію, якоже собралъ нѣкогда избранныхъ Апостоловъ на гору Фаворъ. Ты показалъ предъ учениками славу Твою для ихъ утвержденія въ вѣрѣ и благочестіи. Покажи надъ обителію сею, для ея просвѣщенія и спасенія, свѣтъ Твой присносущный молитвами Богородицы, Свѣтодавче, слава Тебѣ. Аминь.

„Святительскія Тѣни“ г. Лѣскова.

(Продолженіе *).

Не знаемъ, какимъ покажется нашимъ читателямъ еще одинъ пріемъ г. Лѣскова, при помощи котораго онъ сдѣлалъ новое открытіе въ характеръ преосвященнаго Варлаама. „Владыка Варлаамъ“, пишетъ г. Лѣсковъ, „могъ безъ тоски жить даже въ Хлыновѣ; но его преосвященство, къ несчастію своему, было спорливъ и неуступчивъ, хотя и въ этомъ отношеніи тоже являлъ черты немалаго характера. Такъ наприм. онъ завелъ съ бывшимъ тогда здѣсь воеводою Андреемъ Писаревымъ междоусобіе, за что оба подвергли себя гнѣву государеву и требованы были въ Петербургъ, гдѣ Писаревъ вмѣсто штрафа опредѣленъ былъ навсегда для жительства въ своей деревнѣ, а преосв. Варлаамъ по долговременномъ продолжительствѣ отправлялъ чреду священнослуженія при гробахъ императорскихъ. Но собственно говоря, онъ и здѣсь проявилъ свой непобѣдимый характеръ тѣмъ, что назначенной ему чреды священнослуженія при императорскихъ гробахъ не отправлялъ, а жилъ болѣе трехъ лѣтъ въ Невскомъ монастырѣ на собственномъ коштѣ. Очевидно, этотъ владыка былъ

*) См. № 15.

съ *крутымъ, хохлацкимъ нравомъ*. По силѣ характера онъ могъ бы постоять за дѣло вѣры; но, къ сожалѣнію, не оно его занимало: онъ только не уступалъ воеводѣ, да *не хотѣлъ* отправлять чреду священнослуженія при императорскихъ гробахъ. Вотъ куда ушла сила воли, и, вѣроятно, не малая“ (61, 66). На основаніи такихъ соображеній, г. Лѣсковъ какъ на выдающуюся черту въ характерѣ преосвящ. Варлаама указываетъ на его „непокорность“, именно—въ самомъ началѣ „Святительскихъ Тѣней“, въ оглавленіи архіерейскихъ портретовъ, живописуемыхъ въ этомъ трудѣ г. Лѣскова, вслѣдъ за архіереемъ Веніаминѣмъ (бонвиванѣмъ) помѣщенъ г. Лѣсковымъ преосв. Варлаамъ съ эпитетомъ „непокорный“. Такое открытіе новой черты въ характерѣ преосв. Варлаама всецѣло принадлежитъ таланту и провицательности г. Лѣскова; по крайней мѣрѣ у Любарскаго мы не находимъ никакого указанія на „непокорность“ Варлаама. Вотъ что буквально написано у Любарскаго: „Подчиненныхъ своихъ Варлаамъ защищалъ ревностно, съ такою неумѣренностію, что учинилъ съ бывшимъ тогда здѣсь воеводою Андреемъ Писаревымъ междоусобіе, за что оба подвергали себя гнѣву государеву ²⁸⁾, требованы были въ С.-Петербургъ, гдѣ вмѣсто штрафа Писаревъ навсегда былъ опредѣленъ для жительства въ своей деревнѣ, а преосв. Варлаамъ отправлялъ чреду священнослуженія при гробахъ императорскихъ. *Иные утверждаютъ, что чреды священнослуженія не отправлялъ, а жилъ болѣе трехъ лѣтъ въ Невскомъ монастырѣ на собственномъ коштѣ, а потомъ переведенъ на нижнюю степень епархіи Устюжской, гдѣ и скончался*“ (44, 45). Читатели обыкновенные, не отыскивающіе заднихъ мы-

²⁸⁾ Въ принадлежащей намъ старой рукописи «Любопытнаго Извѣстія» написано (правильнѣе): «государыни» (т. е. Елисаветы Петровны).

слей въ простомъ и безхитромъ писаніи Любарскаго, конечно, въ вышеприведенныхъ словахъ его не найдутъ еще никакого указанія на „непобѣдимый характеръ“, на „непокорность“ и „хохлацкій нравъ“ преосв. Варлаама; изъ указаннаго отрывка „Любопытнаго Извѣстія“ они узнаютъ только, что у преосв. Варлаама вышла какая то распря съ воеводой, изъ-за которой оба, и преосвященный и воевода, были вызваны въ Петербургъ, гдѣ Варлаамъ, по словамъ однихъ, служилъ при императорскихъ гробахъ, по словамъ другихъ—жилъ три года въ Невскомъ монастырѣ, а потомъ, по окончаніи его дѣла съ воеводой, былъ перемѣщенъ въ Устюгъ. Но не даромъ нашъ талантливый авторъ одаренъ необыкновенною проицательностію, особенно—въ изображеніи „картинъ изъ архіерейскаго быта“: съ свойственнымъ ему умѣньемъ читать между строками онъ усмотрѣлъ въ приведенномъ отрывкѣ Любарскаго то, что вовсе не замѣтно для обыкновенныхъ читателей. Любарскій пишетъ: „Варлаамъ отправлялъ чреду при гробахъ императорскихъ; а иные утверждаютъ, что—не отправлялъ чреды, а жилъ въ Невскомъ монастырѣ“. Г. Лѣсковъ читаетъ: „Варлааму назначено было отправлять чреду при гробахъ императорскихъ, но онъ ея не отправлялъ, стало быть не хотѣлъ отправлять, стало быть былъ—архіерей непокорный, съ непобѣдимымъ хохлацкимъ нравомъ“ и т. д. Много ли, кажется, прибавилъ г. Лѣсковъ къ словамъ Любарскаго, всего одно слово—„не хотѣлъ“, а между тѣмъ „картина“ у г. Лѣскова выходитъ уже далеко иная, чѣмъ у Любарскаго: вмѣсто нѣскольکو блѣднаго и недостаточно определеннаго лика, какъ онъ написанъ Любарскимъ, является у г. Лѣскова портретъ съ рѣзкими, рельефными, оставляющими достаточно сильное впечатлѣніе чертами. Вотъ что дѣлаетъ

одинъ ударъ пера, одинъ мазокъ кисти „умѣлаго мастера“ своего дѣла!.. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія еще одного замѣчательнаго проявленія мастерства нашего автора. У Любарскаго въ концѣ извѣстія о преосв. Варлаамѣ сказано, что Варлаамъ „переведень былъ епископомъ въ Устюгъ“; а такой фактъ нѣсколько не вязался съ „непокорностію“ Варлаама, даже, пожалуй, могъ испортить всю „картину“ г. Лѣскова. — „Какъ это такъ“ — могли посомнѣваться читатели г. Лѣскова, — „Варлаамъ оказался непокорнымъ повелѣніямъ пре-державшей власти въ самомъ Петербургѣ, на глазахъ самой власти, а между тѣмъ остался почти совсѣмъ безнаказаннымъ и былъ только переведень въ Устюгъ!“ И такое сомнѣніе тѣмъ естественнѣе могло явиться въ умѣ читателей, что въ первой половинѣ прошлаго вѣка, не то что за „непокорность“, а только за „медленіе“ въ исполненіи повелѣній, нимало не щадили даже и архіереевъ и безъ всякаго промедленія отсылали „скованными“ въ тѣсную келью, либо въ Выборгъ, либо на островки Бѣлаго моря, либо въ Нерчинскъ, какъ напр. Георгія Дашкова, Теофилакта Лопатинскаго, Льва Юрлова и другихъ ²⁹⁾... Что же дѣлаетъ г. Лѣсковъ? Замѣтивъ, что извѣстіе о перемѣщеніи Варлаама въ Устюгъ помѣщено у Любарскаго не „кстати“, онъ немедленно подвергаетъ это извѣстіе ампутаціи, — приему столь обычному у него въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ замѣчаетъ у Любарскаго факты „неподлежательно“ записанные и идущіе въ разрѣзъ съ его собственными выводами. Такая операція съ фактомъ, не „у мѣста“ записаннымъ у Любарскаго, свидѣтельствующая о ловкости оператора, конечно, нѣсколько не согласна съ „не-

²⁹⁾ См. подробнѣе у г. Чистовича въ его трудѣ «Теофанъ Прокоповичъ и его время», 179, 292, 341, 345, 355, 375.

уклонною правдивостію“; но за то открытіе архіерея — „хохла“ съ непобѣдимо-упорнымъ и непокорнымъ нравомъ“ (да еще — „ловкаго танцора“) остается вполнѣ за г. Лѣсковымъ и, разумѣется, не прошло незамѣченнымъ любителями интереснаго чтенія...

Темное пятно кладетъ на „ликъ“ преосв. Варлаама г. Лѣсковъ по поводу „междуусобія“, происшедшаго между воеводою Писаревымъ и преосв. Варлаамомъ. И тутъ г. Лѣсковъ дѣйствуетъ своею кистію съ ловкостію опытнаго художника, сгущая краски тамъ, гдѣ „нужно“, именно — приписывая преосв. Варлааму чуть ли не главную роль въ „междуусобіи“ и обвиняя преимущественно архіерея, а не воеводу, за то, что этотъ архіерей „былъ спорливъ и неуступчивъ“, да „не хотѣлъ, по своему хохлацкому нраву, уступить воеводѣ“. Но и здѣсь г. Лѣсковъ, намъ кажется, во первыхъ сгустилъ краски слишкомъ усердно, во вторыхъ — поусердствовалъ сгустить ихъ слишкомъ поспѣшно. Дѣло о „распрѣ“ между преосвященнымъ и воеводою разбиралось въ Петербургѣ, и разъясненія этого дѣла надобно искать въ столичныхъ архивахъ; въ мѣстныхъ же архивахъ, не смотря на усердные поиски, пока не найдено никакихъ бумагъ, прямо и непосредственно къ нему относящихся, по этому какъ поводы къ распрѣ между представителями духовной и свѣтской власти на Вяткѣ въ 1744 году, такъ и самыя подробности этой распри, пока, какъ говорится, „покрыты мракомъ неизвѣстности“. Виновенъ ли былъ въ этой распрѣ преосв. Варлаамъ, или не виновенъ, началъ ли онъ распрю, или только не уступилъ зачинщику — воеводѣ, или же *вынужденъ* былъ бороться съ самоуправствомъ и наглостію, все это — вопросы на которые рѣшительный отвѣтъ можетъ дать только время; стало быть и заключеніе г. Лѣскова, что преосв.

Варлаамъ былъ „спорливъ“, что онъ какъ человѣкъ „съ хохлацкимъ непобѣдимо-упорнымъ нравомъ“, ни за что „не хотѣлъ“ уступить и „завелъ“ междуусобіе съ воеводою, — преждевременно и остается вполнѣ на совѣсти нашего автора. Съ своей стороны, только какъ на историческій матеріалъ, по нашему мнѣнію, приподнимающій нѣсколько края завѣсы, покрывающей „дѣло“ между преосв. Варлаамомъ и воеводою Писаревымъ, позволяемъ себѣ указать здѣсь на безспорные факты, имѣющіе нѣкоторое отношеніе къ дѣлу.

Въ 20-хъ числахъ сентября 1736 г., какъ разъ въ то время, когда получено было на Вяткѣ извѣстіе о смерти Теофана Прокоповича († 8 сентября), друга и покровителя тогдашняго епископа Вятскаго преосв. Лаврентія Горки, произошло въ Хлыновѣ открытое и наглое нападеніе на славяно-латинскую школу, основанную Лаврентіемъ, и на самый домъ архіерейскій, въ которомъ помѣщалась школа ³⁰⁾: руководителями толпы при этомъ

³⁰⁾ «Дому архіерейскаго келейниковъ, и учениковъ, и служителей похватили въ Воеводскую Канцелярію. И тое жъ Канцеляріи подъячіе и разсыльщики, и посадскіе, человѣкъ со сто и больши, на домъ архіерейскій, въ которомъ школы имѣлися, съ дубинами, съ палками, съ кирпичемъ нападали, и школы разоряли, и въ домъ архіерейской, и въ избу (гдѣ была школа), кирпичемъ бросали, и въ ворота необычно ломилися, (такъ) что тѣ ворота были отъ нихъ и досками подперты». — «И мое смиреніе», — писалъ по этому случаю преосв. Лаврентій въ своей челобитной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ отъ 23 сентября 1736 года, — «въ домѣ архіерейскомъ, яко во осадѣ, доселѣ содержусь, и нельзя изъ дому архіерейскаго никому вонъ вытить, понеже изъ оной Канцеляріи дому нашего учителей и служителей хватать различно похраляются». — Причины такого нападенія вполнѣ и обстоятельно пока не выяснены; но объектомъ нападенія преимущественно была архіерейская школа и особенно — учителя, такъ какъ въ заключеніе своей челобитной преосв. Лаврентій просилъ, чтобы «ея державство» повелѣла — «указомъ ея о школахъ отъ оной Канцеляріи нерушимымъ пребыть, школамъ и учителямъ по прежнему безонаснымъ быть, и отъ оныхъ насильныхъ и напрасныхъ нападковъ оборонить, и домъ архіерейской и служителей отъ такого Воеводской Канцеляріи наглого дерзновенія освободить» (Исторія Вятской

нападении были подъячие Воеводской Канцелярии, и оно чуть ли не было вызвано заднею мыслью, что теперь, со смертию главнаго виновника латинскихъ школъ, пришелъ „конецъ“ и этимъ школамъ ³¹⁾, и что по смерти покровителя—*Феофана* „не одобровать“ и другу *Феофана*, покровительствуемому имъ, —*Лаврентію*. Послѣ такого наглаго и безобразнаго подвига Воеводской Канцелярии и увлеченной ею толпы посадскихъ преосвящ. *Лаврентій* прожилъ уже не долго, и тотчасъ же по его кончинѣ настало самое трудное время для латинской школы, особенно—для ея учителей. Массы школьнико́въ оказались въ „бѣгахъ“; вынуждены были бѣжать и учителя „изъ черкасъ“: одинъ изъ нихъ и успѣлъ „утечь“ изъ *Хлынова* хитростію, а другой, главный „профессоръ“ школы *Финицкій*, опасаясь насилія, попытался было бѣжать, но былъ схваченъ городничимъ въ *Котельничѣ* и за крѣпкимъ карауломъ, въ оковахъ, возвращенъ былъ въ *Хлыновъ* ³²⁾. Школа не распалась

Іерархіи, 193, 194).—Надобно замѣтить, что это нападеніе на архіерейскій домъ было сдѣлано при архипастырѣ, которому 35 лѣтъ спустя сами хлыновскіе граждане, съ воеводою (полковникомъ *Щербачевымъ*) во главѣ, торжественно устроили «раку» въ кафедральномъ соборѣ и на этой ракѣ сдѣлали надпись о томъ, что она «устроена ревностному по Бозѣ іерарху, доброму словесныхъ овецъ пастырю, мудрости и благочестія любителю, невѣжества и суевѣрія ненавистнику, по достохвальномъ правленіи Церкви Христовой свято въ Бозѣ почившему, отъ усердныхъ почитателей его имени» (*Исторія Вятчанъ*, *Вештомова*, въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1827 г., XX, 17—18).

³¹⁾ Такое предположеніе тѣмъ болѣе было естественно въ *Хлыновѣ*, что на латинскую школу смотрѣли многіе, какъ на личную прихоть архіерея изъ черкасъ, и какъ разъ въ это время (въ 1736 г.) въ сосѣдней *Казани* была закрыта архіепископомъ *Гавріиломъ* (изъ великоруссовъ) латинская архіерейская школа, основанная—было въ 1733 г. преосвящ. *Иларіономъ* *Рогалевскимъ* (*Православный Собесѣдникъ* 1858 г., II, 570, 571).

³²⁾ Преосв. *Лаврентій* скончался въ первый день Пасхи 1737 г. (10 апрѣля), и въ тотъ же день вечеромъ три близкія къ владыкѣ лица—архимандритъ *Лаврентій* *Полторацкій* и учителя *Финицкій* и *Лещинскій*,

окончательно только потому, что через два мѣсяца по кончинѣ преосвящ. Лаврентія полученъ былъ указъ Св. Синода, въ которомъ строго предписывалось „собранныхъ въ школахъ учителей и учениковъ содержать такъ, какъ при жизни архіерея Лаврентія было, во всемъ неотмѣнно, и тѣсноты имъ никому никакой не чинить“³³⁾. Такъ любезно приняты были на Вяткѣ, особенно Воеводской Канцеляріей, первый владыка „изъ черкасъ“, устроенная имъ латинская школа и ея первые учителя — латинники! Тяжело было положеніе этой школы, особенно учителей, и во все время отъ кончины Лаврентія до прибытія преосв. Веніамина (съ 10 апрѣля 1737 г. до 28 сент. 1739 г.). При преосв. Веніаминѣ школа отдохнула, и — по крайней мѣрѣ открытыхъ — нападеній на нее не было³⁴⁾. Но едва только преосв. Веніаминъ оставилъ

бывшіе свидѣтелями кончины владыки, должны были бѣжать въ подгородный Богословскій монастырь. Архимандритъ Лаврентій, не смотря на настоятельныя требованія духовенства — служить паннихиды по усопшемъ владыкѣ въ Троицкомъ соборѣ, упорно отказывался оставить свой монастырь, отвѣчая всѣмъ, что «изъ монастыря не поѣдетъ, понеже совѣщаютъ на него злая». Черезъ три дня дѣло обострилось до того, что Финицкій, первый и главный учитель школы, рѣшился бѣжать изъ Хлынова: въ глухую полночь, на монастырской лошади, съ проводникомъ, даннымъ ему архимандритомъ, онъ выѣхалъ тихо изъ монастыря по Московской дорогѣ. Но монастырскій казначей Калаіоній, замѣтивъ исчезновеніе учителя, немедленно далъ знать объ этомъ кому слѣдуетъ «въ городъ». За «утеклецомъ» была отправлена погоня; бѣдный «профессоръ» Славяно-латинской школы былъ схваченъ въ Котельничѣ мѣстнымъ городничемъ и «связанный, за крѣпкимъ карауломъ», доставленъ обратно въ Хлыновъ (Копія съ «доношенія» Свят. Синоду о кончинѣ преосв. Лаврентія и письмо котельническаго городничаго казначею архіерейскаго дома, писанное въ апрѣлѣ 1737 г., въ архивѣ Дух. Консistoriи).

³³⁾ Исторія Вятской Семинаріи въ «Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» 1868 г. II, 60.

³⁴⁾ Много значило то, что Веніаминъ былъ не «изъ черкасъ», не «кіевскій латинникъ», что онъ всецѣло посвятилъ себя апостольскому подвигу просвѣщенія Вотяковъ, и былъ, еще до пріѣзда на Вятку, въ хорошихъ отношеніяхъ съ семьєю Воронцовыхъ, отецъ которыхъ Иларіонъ Гавриловичъ былъ при немъ воеводою на Вяткѣ.

Вятку, какъ жестокая непріязнь къ школь проявилась съ новою силою, и опять преимущественно—со стороны Воеводской Канцеляріи. 17 января 1742 г. преосвящ. Веніаминъ выѣхалъ въ Москву, на коронацію императрицы Елисаветы Петровны, а въ мартѣ того же года послѣдовало нѣсколько новыхъ, — какъ сказано въ современномъ документѣ, — „разбойническихъ“ набѣговъ на школу въ архіерейскомъ домѣ со стороны огромной толпы рекрутъ, которая была руководима сержантомъ Воеводской Канцеляріи, разбила въ школь двери, окна, и разогнала школьниковъ ³⁵⁾.

³⁵⁾ «Марта 15 числа (1742 г.) рекруты студентовъ (т. е. учениковъ школы) многихъ побили, изъ которыхъ побитой одинъ студентъ для сатисфакціи посланъ былъ отъ учителя Финицкаго къ командиру надъ рекруты прапорщику Іудѣ Бакѣеву; но онъ надъ тѣми рекрутами ничего не учинилъ и имъ мирволилъ. А марта 21 числа тѣ жъ рекруты, набѣжавъ на домъ архіерейской въ семомъ часу ночи, на школы и семинарію по-разбойнически нападали. И видя то, оной учитель Финицкой ко прапорщику Бакѣеву писалъ отъ себя письмо, дабы онъ, памятуя отъ его преосвященства (Веніамина) обрѣтенную къ себѣ незабвенную милость, тѣхъ рекрутъ унялъ. И послѣ того учителява письма, тѣ жъ рекруты паки школьника Василья Якимова били, которой битой школьникъ Вятской Провинціальной Канцеляріи дому архіерейскаго судіею іеромонахомъ Іоасафомъ Потемкинымъ объявленъ; точію сатисфакціи никакой не учинено жъ. И на тое Финицкаго письмо онъ, Бакѣевъ, прислалъ къ учителю жъ письмо, яко бы къ раззоренію дому архіерейскаго не касался, и въ болѣзнь-де находится другую недѣлю, и съ квартиры не ходитъ: и то онъ, Бакѣевъ, солгалъ, ибо того жъ марта 22 числа былъ въ Провинціальной Канцеляріи и изъ той Канцеляріи и письмо писалъ. И послѣ того письма, того жъ 22 числа днемъ, тѣ жъ рекруты, множественное число, пришедъ къ воротамъ архіерейскаго дома, въ ворота полѣньемъ и дубинами били, и чрезъ ограду каменьемъ бросали, и кричали, что «намъ приказано въ славенолатинскихъ школахъ школьниковъ всѣхъ побити, а школы по бревну роскатати», и студентовъ, которые на пути попадутся, били смертно, а другихъ въ ровъ съ мосту бросали. И того жъ числа, послѣ навечерія, съ тѣми рекруты паки, пришедъ въ домъ архіерейской, Провинціальной Канцеляріи сержантъ Андрей Яковлевъ (который надъ тѣми рекрутами смотрѣніе и учене имѣлъ), да тѣхъ же рекрутъ человекъ съ триста, въ ограду вломились, паче прежняго, съ оглоблями, съ дубинами, и съ каменьемъ, и вошли на переднее крыльцо; во окончины, гдѣ показанной Финицкой живетъ, каменьемъ бросали и окончины

Такія непріязненныя дѣйствія противъ Славяно-Латинской школы, доходившія до разбойническихъ набѣговъ на нее, говорятъ сами за себя: онѣ въ определенномъ видѣ рисуютъ положеніе Славяно-Латинской школы среди Хлынова, въ первое время ея существованія. Какъ же долженъ былъ отнестись къ такому положенію школы прибывшій въ Хлыновъ въ началѣ 1743 г. новый епископъ, воспитанникъ Кіевской Академіи, человекъ близкій къ Теофану, раздѣлявшій вполне взгляды на школу Теофана, Лаврентія Горки, Луки Конашевича и другихъ архіереевъ изъ малороссовъ, усердно старавшихся объ устройствѣ латинскихъ школъ въ Россіи по образцу Кіевской Академіи? Могъ ли онъ хладнокровно выносить столь стѣсненное положеніе школы, особенно въ виду прямого указа Свят. Синода о томъ, чтобы „учители и школьники содержались неотмѣнно“ и чтобы „тѣсноты имъ ни отъ кого не было“? Мы видѣли уже, какъ близко къ сердцу принялъ преосв. Варлаамъ дѣло школы, съ какою ревностію заботился онъ объ ея благоустройствѣ. Могъ ли онъ равнодушно выслушивать рассказы о постигшихъ школу притѣсненіяхъ и жалобы на притѣснителей изъ устъ „фундатора“ школы,—того самого Финицкаго, который (преосвященный не могъ этого не видѣть) вынесъ школу на своихъ плечахъ въ самое трудное для нея время и въ 5—6 лѣтъ съ ея основанія, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, довелъ ее до того, что она давала предикаторовъ, заслуживавшихъ „аппробаціи“?

Но съ пріѣздомъ преосв. Варлаама начинаются но-

розбили; а изъ школъ студентовъ всѣхъ розогнали, отъ котораго ихъ рекрутскаго нападенія и страху тѣ студенты, кои успѣли, въ домъ архіерейской убѣжали, гдѣ и были три дни». (Сообщеніе изъ Семинарской Конторы въ Духовн. Приказъ отъ 7 мая 1742 г., въ архивѣ Духовной Консисторіи).

выя неприятности для школы, виновниками которых оказываются опять чины Провинціальной Канцеляріи, именно — воевода Андрей Писаревъ и секретарь Аверкій Перминовъ. Писаревъ мало извѣстенъ на Вяткѣ; но Перминовъ — это человекъ (съ отрицательной стороны) очень замѣчательный. Почти одновременно съ пріѣздомъ преосв. Варлаама, въ 1743 г., занялъ онъ должность секретаря Провинціальной Канцеляріи и сидѣлъ на этомъ мѣстѣ болѣе 20 лѣтъ. Сначала при немъ каждый годъ мѣнялись воеводы, а потомъ черезъ 2—3 года ³⁶⁾, а онъ, и послѣ сильной передраги, оставался на своемъ мѣстѣ. Опытность дала ему возможность многихъ воеводъ „держать въ своихъ рукахъ“; по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ этихъ воеводъ, и въ томъ числѣ — къ Андрею Писареву, грамотные люди относили въ Хлыновѣ вирши:

Пропало дѣло того господина,
Коего учить его слуговина ³⁷⁾.

Не смотря на ничтожное жалованье, Перминовъ нажилъ богатое состояніе и выстроилъ себѣ лучшій каменный домъ въ городѣ, какого не было даже у перваго тогда богача въ Хлыновѣ — заводчика Вяземскаго ³⁸⁾. И вотъ эта-то великая тогда сила въ Хлыновѣ столкнулась съ важнымъ духовнымъ лицомъ — судіею Духовнаго При-

³⁶⁾ Въ 1745 г., вмѣсто Писарева пріѣхалъ воевода И. Ѳ. Полянскій, въ 1746 г. Н. Ѳ. Чемодуровъ, въ 1747 г. И. А. Бутлеровъ, въ 1748 г. А. Г. Постельниковъ, въ 1750 г. А. Н. Дубенскій, въ 1755 г. М. Н. Хитрово, въ 1758 г. А. М. Уваровъ. Перминовъ же былъ секретаремъ съ 1743 г. по 1764 г.

³⁷⁾ Въ одномъ экземплярѣ учебника Финцаго, писанномъ школьникомъ, противъ слова «слуговина» приписано: «си есть Аверкій П.».

³⁸⁾ Домъ Перминова послѣ былъ купленъ для губернаторовъ: это былъ лучшій домъ въ городѣ. Кромѣ этого дома 100 лѣтъ назадъ было въ Хлыновѣ только 3 частныхъ каменныхъ дома: Вяземскаго, Трапицына и Букина (Исторія Вятчанъ, Вештомова, въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1827 г., ч. XX, 105—106).

каза или Консistoriи, архимандритомъ Іоасафомъ Потемкинымъ. Оскорбленный Перминовымъ архимандритъ подалъ на него челобитную, гдѣ между прочимъ обвинялъ Перминова во взяткахъ ³⁹⁾; а Перминовъ со всею силою своей ненависти обрушился на „духовный чинъ“. Подвиговъ Перминова противъ „духовнаго чина“ было весьма много, и они отчасти записаны въ „Любопытномъ Извѣстiи“ Любарскаго (48), въ „Исторiи Іерархіи Вятской“ Никитникова (66—67) и въ „Исторiи Вятчанъ“ Вештомова ⁴⁰⁾; однимъ же изъ первыхъ подвиговъ его было новое гоненіе, воздвигнутое на семинаристовъ. По тому поводу, что указами велѣно Воеводской Канцелярiи „о пресѣченіи воровства, дракъ, грабежей, также—бѣглыхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ, рекрутъ, скитающихся ханжей и прочихъ всякаго чина людей безъ паспортовъ имѣть крѣпкое смотрѣніе и такихъ приводить въ Провинціальную Канцелярiю подѣ карауломъ“, Провинціальная Канцелярiя (т. е. Перминовъ и руководимый имъ Писаревъ) потребовала „промеморiей“ отъ Духовнаго Приказа „учинить студентамъ крѣпкое запрещеніе съ подписками, дабы они съ вечера, по пробитiи набатнаго колокола и до утренняго благовѣсту, въ неуказные часы по ночамъ въ городѣ Хлыновѣ не шатались, а ежели отъ сего времени по ночамъ въ неуказные часы будутъ по улицамъ ходить, то будутъ ловлены и чинено съ ними будетъ въ Провинціальной Канцелярiи безъ опущенiя“ ⁴¹⁾. Хотя Провинціальная Канцелярiя никакихъ „грабежей“ со стороны семина-

³⁹⁾ Столѣтіе Вятской губерніи, 1880 г., I, 93.

⁴⁰⁾ Казанскій Вѣстникъ 1827 г., ч. XIX, 82—103.

⁴¹⁾ Промеморiя изъ Вятской Провинціальной Канцелярiи въ Духовный преосв. Варлаама Приказъ отъ 17 февраля 1744 г., въ архивѣ Духовн. Консistoriи.

ристовъ не указывала, тѣмъ не менѣе преосв. Варлаамъ по поводу „промеморіи“ опредѣлилъ, „учителю Финицкому накрѣпко заказать, чтобъ онъ самъ наблюдалъ и нарочныхъ надсмотрщиковъ учредилъ (надъ школьниками), и когда кто окажется (виновнымъ), жестоко наказовалъ“. Но напрасно преосвященный думалъ оградить школу усиленнымъ „надсмотромъ“: промеморія Провинціальной Канцеляріи была только „прелюдіей“ къ самому акту... Самое существенное въ этой промеморіи было предупрежденіе, что семинаристы, которые „будутъ ходить по городу“ по пробитіи набатнаго колокола, будутъ „ловлены“, и немедленно послѣ этой промеморіи начались „хватки“ (аресты) школьниковъ, оказывавшихся на улицѣ послѣ удара набатнаго колокола, а затѣмъ суровая расправа съ ними въ Провинціальной Канцеляріи. Нелегко, конечно, было школьникамъ, которыхъ масса жила на квартирахъ, и которымъ иногда не удавалось вечеромъ своевременно добѣжать до своей квартиры, чтобы до удара набатнаго колокола укрыться отъ Провинціальной Канцеляріи... Не вытерпѣлъ „несноснаго“ своего положенія и Финицкій, который не смотря на благоволеніе преосв. Варлаама, находилъ для себя невозможною дальнѣйшую службу въ школѣ: съ видимою неохотою, въ началѣ 1745 г., преосвященному все таки пришлось разстаться съ этимъ полезнымъ дѣятелемъ, хотя встрѣчались большія затрудненія въ поискахъ за учителемъ, который бы могъ замѣнить Финицкаго ⁴²⁾.

⁴²⁾ Справедливость требуетъ прибавить, что этотъ Финицкій, пользовавшійся вниманіемъ и благосклонностію трехъ архіереевъ, и по удаленіи изъ школы оказался энергическимъ и небезполезнымъ дѣятелемъ на другомъ поприщѣ службы: впослѣдствіи онъ былъ «управителемъ», вмѣсто воеводы, въ Чердыни и Орловѣ, и въ Чердыни много содѣйствовала игумену Іову Тукмачеву въ просвѣщеніи Христовой вѣрой пермскихъ

Какъ видятъ читатели, не легкіе удары приходилось выносить со стороны Воеводской Канцеляріи латинской архіерейской школь и—косвенно—самому патрону этой школы. Могло ли все это располагать преосв. Варлаама къ Воеводской Канцеляріи и къ самому воеводѣ? И не Канцелярія ли подавала поводъ къ „междуусобію“, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ случаѣ?

Но этого мало. Удары не остановились на одной школѣ, а поразили и лицъ духовныхъ. Многія лица духовнаго сана подверглись, выражаясь по нынѣшнему, „оскорбленію дѣйствиємъ“, со стороны чиновъ Воеводской Канцеляріи и даже самого воеводы. Такъ напр. еще 6 мая 1743 г. въ домѣ самого воеводы былъ избитъ до крови попъ Хлыновской Предтеченской церкви Кирилль ⁴³⁾; только дѣло объ этомъ „бою попа до крови“ было почему-то замято въ Духовномъ Приказѣ. До чего могла при этомъ доходить рѣшительность дѣйствующихъ тогда лицъ, видно изъ того, что впоследствии, когда уже „разгорѣлось“ дѣло между Воеводской Канцеляріей и Духовнымъ Приказомъ, Перминовъ и его сторонникъ Полянскій открыто грозили схватить непріятнаго имъ намѣстника Успенскаго монастыря Іоанна Черепанова и „брюхо и спину ему высѣкчи“ ⁴⁴⁾.

Наконецъ дѣло дошло до самого преосвященнаго: причинено было тяжелое оскорбленіе личности самого

инородцевъ. «Воеводы Вятская и Казацкая», говоритъ Словцовъ, «не дремали на западѣ Сибири. Вогулы Чердынскіе въ 1751 и слѣдующихъ годахъ обращены въ христіанство тщаніемъ игумена Іова Тукмачева, при особенномъ содѣйствіи тамошняго управителя Михаила Финицкаго» (Историческое Обзорѣніе Сибири, Словцова, II, 16). Въ 1763 г., по показанію Фалька, было новокрещенныхъ: въ Осинской уѣздѣ 16920, въ Куингурской 654.

⁴³⁾ Указъ преосв. Варлаама Дух. Консисторіи отъ 17 октября 1745 г. изъ Петербурга, въ архивѣ Консисторіи. — Исторія Вятской Іерархіи, 54.

⁴⁴⁾ Столѣтіе Вятской губерніи, I, 96.

владыки сыномъ воеводы, подпоручикомъ Измаиловскаго полка Львомъ Писаревымъ ⁴⁵⁾).

Таковы документальныя данныя, имѣющія, по нашему мнѣнію, нѣкоторое отношеніе къ дѣлу, возникшему между воеводою Писаревымъ и преосв. Варлаамомъ. Повторяемъ, — подробности этого дѣла пока еще не выяснены; но и приведенныя выше данныя позволяютъ, кажется, высказать догадку, что въ этомъ дѣлѣ преосв. Варлаамъ былъ стороною потерпѣвшею, стороною обиженною, что онъ *вынужденъ* былъ на борьбу слишкомъ неразборчивыми дѣйствіями своихъ недоброхотовъ.

Такая догадка находитъ подтвержденіе и въ рѣшеніи высшей власти по этому дѣлу. Оба, и воевода и преосвященный, были вызваны по дѣлу въ Петербургъ; но между тѣмъ какъ Писаревъ присужденъ жить постоянно въ своихъ деревняхъ, преосв. Варлаамъ не лишенъ былъ своего мѣста и *продолжалъ управлять* епархіей изъ Петербурга, весьма часто посылая указы на Вятку, которые и были здѣсь исполняемы, какъ указы владыки ⁴⁶⁾; по окончаніи же дѣла онъ былъ только *переведенъ* въ Устюгъ, гдѣ и управлялъ епархіей болѣе 12 лѣтъ, до самой своей кончины ⁴⁷⁾.

⁴⁵⁾ Указъ Свят. Синода преосв. Варлааму отъ 14 февраля 1745 г., въ архивѣ Консисторіи. — Исторія Вятской Іерархіи, 44.

⁴⁶⁾ См. выше выноски 18, 20, 21, 43. Немало было и другихъ указовъ преосв. Варлаама изъ Петербурга. Въ Исторіи В. Іерархіи рѣшительно сказано, что преосв. Варлаамъ «не переставалъ управлять Вятской епархіей изъ Петербурга до перевода въ Устюгъ» (44). Самое извѣстіе или вѣрнѣе — слухъ, записанный Любарскимъ, будто преосв. Варлаамъ жилъ въ Невскомъ монастырѣ «на своемъ коштѣ», едва ли заслуживаетъ довѣрія.

⁴⁷⁾ Преосв. Варлаамъ перевѣщенъ въ В. Устюгъ 28 февраля 1748 г., прибылъ въ Устюжскую епархію 28 мая того же года, скончался на 21 февраля 1761 г., 64 л. отъ роду, погребенъ въ Устюжскомъ бывшемъ кафедральномъ соборѣ. — Автописецъ о в. градѣ Устюгѣ, Большакова, рукопись Румянцевскаго Музея. № 127. — Исторія Россійской Іерархіи, Аивросія, I, 254. — Списки іерарховъ, Строева, 735. — Списки архіереевъ, Ю. Толстаго, 11.

Но независимо отъ того, оправдается или не оправдается наша догадка, то несомнѣнно, что „святительская тѣнь“ и седьмого Вятскаго іерарха не осталась безъ „поклеповъ“ со стороны г. Лѣскова. Безпристрастные читатели, надѣмся, не могли не замѣтить, что портретъ преосв. Варлаама, начертанный въ „Святительскихъ Тѣняхъ“ г. Лѣскова, мало походить на портретъ этого владыки, начертанный Любарскимъ: по крайней мѣрѣ то очевидно, что на ликѣ Варлаама, блѣдно и нерѣшительно набросанномъ Любарскимъ, въ „Святительскихъ Тѣняхъ“ г. Лѣскова сдѣланы темные и густые мазки ловкою и размахистою кистию самого г. Лѣскова.

Проѣздъ Преосвященнаго.

(Письмо въ редакцію Церковнаго Вѣстника).

Въ одно изъ сель Вятской епархіи архипастырь долженъ былъ прибыть часовъ въ 8 или 9 вечера; здѣсь не было назначено никакого богослуженія, только одинъ ночлегъ. Я и старался прибыть ранѣе, чтобы видѣть самую встрѣчу архипастыря въ этомъ селѣ. Прибыль къ 7 часамъ вечера и нахожу слѣдующее: прежде всего, обычное большое стеченіе народа, въ томъ числѣ инородцевъ, и изъ нихъ значительное число дѣтей; прихожу въ домъ священника этого села и, не видя здѣсь хозяина, мнѣ хорошо знакомаго, спрашиваю: „гдѣ же у насъ батюшка“? Отвѣчаютъ: „его дома нѣтъ“. — „Гдѣ же онъ“? „Отправился встрѣчать Преосвященнѣйшаго Владыку въ одну изъ своихъ деревень, гдѣ будетъ проѣзжать Владыка и гдѣ имѣется у священника школа“. А, вотъ какъ встрѣчаютъ нынѣ своихъ Архипастырей, думалось

мнѣ! Въ ожиданіи Архипастыря отправляюсь посмотрѣть церковь, затѣмъ отъ нечего дѣлать рѣшаюсь походить по площади, среди массы народа. Здѣсь было мною замѣчено, что въ числѣ дѣтей находилось немалое количество учениковъ, что можно было сразу видѣть изъ веселыхъ, улыбающихся лицъ, сбоводно, безъ стѣсненія подходившихъ ко мнѣ подъ благословеніе. Но вотъ проходитъ часъ, другой, третій—нѣтъ Владыки; еще проходитъ часъ, слышатся колокольчики, пріѣзжаетъ священникъ; спрашиваю: „гдѣ Владыка“? говоритъ: „ему, какъ извѣстилъ посланный, въ ближайшемъ селѣ поданы уже лошади, слѣдовательно онъ скоро будетъ“, и прибавилъ: „я хотѣлъ встрѣтить Архипастыря въ школѣ, но такъ какъ уже довольно позднее время, то, чтобы не утомить его, за лучшее счелъ пріѣхать въ село“. Наконецъ пробило и 12 часовъ, а Архипастыря нѣтъ. Изъ народа многіе смалодушествовали и ушли домой, въ томъ предположеніи, что вѣроятно за позднимъ временемъ Владыка проѣдетъ прямо въ домъ священника, для отдыха. Остались немногіе, но и этихъ немногихъ было впрочемъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Но вотъ, наконецъ, звонъ колокола возвѣстилъ, что долго ожидаемый гость прибылъ, но не въ домъ священника, какъ думали многіе, а прямо въ церковь; здѣсь послѣ обычной встрѣчи, Владыка приказываетъ подать себѣ омофоръ и митру и начинаетъ молебенъ съ протодіаконскимъ выразительнымъ возглашеніемъ и пѣвчими, и въ такую пору, что начинало уже свѣтать... Выходило очень трогательно и умилительно. По окончаніи молебна, Владыка принималъ представившееся ему здѣсь духовенство и затѣмъ прослѣдовалъ въ домъ священника, который, встрѣтивши Владыку, тотчасъ же ввелъ десятка до полутора мальчиковъ въ залу и пролѣль съ ними

на татарскомъ и черемисскомъ языкѣ нѣсколько молитвъ. Вотъ такъ угощеніе!.. Преосвящ. Владыка проэкзаменовалъ каждога изъ этихъ мальчиковъ, каждому собственноручно надѣлъ по крестыку и, когда были отпущены мальчики, обратился къ священнику со словами: „а я у васъ былъ по пути въ школь“! „Какъ, Ваше Преосвященство, въ такую позднюю пору?“, воскликнулъ удивленно священникъ; „а я“, прибавилъ онъ, „не смѣлъ и думать, что въ такую позднюю пору Вы благоволите быть въ моей школь; я былъ тамъ, но уѣхалъ“. „Ничего, ничего“, успокоивалъ священника Преосв. Владыка, „я доволенъ школой“... Пробыло уже 2 часа, какъ Владыка отправился на покой. Предположено было выѣхать далѣе въ 7 часовъ утра.

Бываетъ, что послѣ лѣтняго прекраснаго дня и еще болѣе прекраснаго вечера, просыпаешься утромъ вдругъ совершенно въ иной атмосферѣ: солнца — нѣтъ, небо какое-то сѣрое, мрачное, облака какія-то зыбныя, обладающія холодомъ, вѣтеръ рѣзкій, и чувствуется какъ-то тяжело, является какое-то мрачное томленіе, и невольно сѣтуешь на природу: за чѣмъ это отнимаются у прекраснаго и безъ того краткаго у насъ лѣта прекрасные лѣтніе дни? на что этотъ холодъ, который и безъ того прискучиваетъ намъ осенью и холодной зимою? Нѣчто подобное было и здѣсь утромъ слѣдующаго дня: были поданы уже лошади, собирался Преосвящ. Владыка къ отъѣзду, вдругъ является толпа мужиковъ съ кляузою, послѣ ней еще — тоже съ кляузою (не на священника, конечно, а въ отношеніи членовъ причта), одни защищаютъ того изъ членовъ причта, другіе — другаго, ясно обнаруживая въ членахъ причта разныя интриги, домогательство чего-то, чего и сами не вполне понимаютъ, являются съ просьбами объ опредѣленіи на мѣста

лица, имѣвшія неодобрительное поведеніе и однако же съ назойливостію требовавшія себѣ мѣста и проч. и проч., и до того доводятъ свои объясненія всѣ эти лица, что даже допускаютъ какую-то фамиліарность, предлагая вопросы совсѣмъ пустыне, не подходящія, не касающіеся дѣла и рассчитанные лишь на кажущійся эффектъ. Преосвящ. Владыка выслушиваетъ всѣ эти, обычныя въ нѣкоторыхъ селахъ, дразги до того терпѣливо, что не знаешь, чему болѣе дивиться: привѣтливости ли, внимательной ли терпѣливости Архипастыря, или тупости, невѣжеству, дерзости просителей... А главное, что досадно, это сознаніе того, что дорогое время у Архипастыря отнимаютъ такъ повидимому непроизводительно... Но наконецъ Владыка отправляется далѣе.

Маршрутъ Преосвящ. Тихона Епископа Сарапульскаго, Викарія Вятскаго — это былъ онъ — отличался важною особенностію. Село, описанное мною, есть крайнее, конечное, примыкающее къ Казанской губерніи, гдѣ въ приходѣ было наибольшее число отпадшихъ изъ православной вѣры въ магометанскую. Отсюда весь путь шель по окраинѣ Вятской губерніи на границѣ съ Казанской, и по тѣмъ лишь деревнямъ, гдѣ были школы и гдѣ были нѣкогда отпадшіе, но уже нынѣ возвратившіеся. Итакъ, путь намѣченъ ясно; вотъ куда стремился Владыка; вотъ ему кого нужно! Не болѣе или менѣе здравые, а несомнѣнно болящія призывали вниманіе Преосв. Тихона. Здѣсь въ каждой изъ такихъ деревень Владыка выходя изъ экипажа, останавливался подъ открытымъ небомъ тамъ, гдѣ стояла по обыкновенію толпа учениковъ, которую и привѣтствовала Преосвящ. Владыка. Затѣмъ, сѣвши на простой крестьянскій стулъ, экзаменовалъ учениковъ почти всѣхъ, просилъ читать молитвы какъ на русскомъ, такъ и на татарскомъ язы-

къ, также пѣть тѣ или другія молитвы, спрашивалъ, понимаютъ ли прочитанное и т. д. Затѣмъ бесѣдовалъ съ отпадшими и возвратившимися, убѣждая ихъ простымъ архипастырскимъ словомъ держаться истинной, лучшей вѣры, какова есть только христіанская православная, и исполнять христіанскія обязанности; бесѣдовалъ также и съ остававшимися упорно въ магометанствѣ, число которыхъ весьма незначительно; замѣтно, стѣснялись они этого собесѣдованія, какъ то конфузились, приводили самыя пустыя оправданія въ своемъ упорствѣ, и успокоительно свидѣтельствовали, что они нисколько не препятствуютъ дѣтямъ своимъ исповѣдывать христіанскую вѣру и т. д. Обратившіеся же замѣтно какъ бы ободрились духомъ, какъ-то радостно свидѣтельствовали, что они теперь ужь христіане... Затѣмъ Владыка собственноручно надѣвалъ на дѣтей крестики и, пробывши въ деревнѣ отъ одного до двухъ часовъ времени и болѣе, отправлялся далѣе; на всемъ пути народъ—мушны и женщины съ дѣтьми выходили въ нарядныхъ одеждахъ и подносили дѣтей для привітанія благословенія и сами подходили. Въ этомъ отношеніи въ особенности отличалась многолюдная старокрещенская деревня Нослы, въ которой свыше 300 душъ; народъ буквально почти весь былъ на улицѣ и составлялъ большую группу, женщины и дѣти были въ яркихъ нарядныхъ одеждахъ, нѣкоторыя съ обычными сему племени притираніями лица, какъ полагаютъ они для приданія красоты (что впрочемъ совершенно неправильно, потому что притиранія эти придаютъ лицу, иногда довольно благообразному, видъ совсѣмъ неблагообразный, видъ какъ бы безжизненной маски). Послѣ преподанія благословенія одинъ изъ жителей, довольно зажиточныхъ, имѣющій болѣе или менѣе благоустроенный домъ,

осмѣлился предложить Преосвященному посѣтить домъ его и выпить стаканъ чаю. Преосвященный благосклонно согласился и принялъ предлагаемое угощеніе, что до крайности обрадовало старокрещанина. Черезъ день случайно онъ встрѣтился мнѣ на пути; онъ ѣхалъ; увидѣвши меня, замахалъ шапкою и закричалъ: „стой, стой, бачка, стой“. Я остановился, и онъ въ самыхъ восторженныхъ словахъ высказалъ подробности посѣщенія Владыкою дома его, съ особеннымъ удовольствіемъ разсказалъ, что Владыка не только разспросилъ о всемъ его житьѣ-бытьѣ, но спустился въ подвалъ съ нимъ и благословилъ то мѣсто, гдѣ у него стоятъ пчелиныя кряжыя зимою, и заключилъ этотъ разсказъ такими замѣчательными словами: „ну, бачка, теперъ не только мой (е) сердце радуется, а и тѣло, и тотъ (то) радуется“... Замѣчательно, что когда Преосв. Владыка въ первый разъ, назадъ тому 3 года, побывалъ въ селѣ М., гдѣ были отпадшіе—только что отпадшіе, тотчасъ послѣ него пошли обращенія, которыя кончились полнымъ воссоединеніемъ отпадшихъ. Нынѣшнее посѣщеніе произведетъ, конечно, также громадное вліяніе: всѣ эти вотъмѣ сѣдящіе удостовѣрятся, что ихъ осіяваетъ свѣтъ любви и духа Христова, присущій Церкви Христовой и нашимъ Архипастырямъ... и это-то сознаніе лучше всего успокоитъ духъ паствы, особенно мятуційся разными отпаденіями, суевѣріями и расколомъ.

Очевидецъ.

(Церк. Вѣств. № 29).

Благодарность прихожанъ за обученіе церковному пѣнію.

Созьинское церковно-приходское попечительство въ собраніи 5-го мая сего 1885 года постановило: „за

неутомимую заботливость многоуважаемаго всѣми прихожанами г. учителя мѣстнаго начальнаго училища Ильи Ивановича Томилова, въ дѣлѣ обученія имъ крестьянскихъ мальчиковъ стройному церковному пѣнію, и приносимую имъ симъ обученіемъ существенную пользу прихожанамъ и храму Божію, объявить ему искреннюю благодарность и просить мѣстнаго отца благочиннаго протоіерея Николая Пинегина довести до свѣдѣнія Епархіальнаго начальства о неутомимой заботливости г. Томилова въ дѣлѣ обученія имъ крестьянскихъ мальчиковъ хорошему пѣнію въ церкви и просить напечатать это постановленіе въ Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

СОДЕРЖАНІЕ. Слово. Святительскія Тѣни г. Лѣскова. Проѣздъ Преовященнаго. Благодарность прихожанъ за обученіе церковному пѣнію.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости», выходятъ два раза въ мѣсяць— 1 и 16-го числа. Цѣна годовому издаванію въ Редакціи 4 руб., а съ доставкой на домъ въ г. Вяткѣ и съ пересылкою въ другія мѣста 5 руб. Подписка принимается въ Редакціи спехъ Вѣдомостей, въ домъ каедральнаго собора.

Редакторъ Протоіерей *Теодоръ Кибардинъ*.
Дозволено цензурою. 10 Августа 1885 года.

ВЯТКА.

Типографія Кузлина (бывшая Красовскаго).

1885.

